

Жил-был медведь

Игорь Иванович Акимушкин

Родился медвежонок зимой в берлоге — тёплой, уютной яме под выворотом ели. Берлога со всех сторон была укрыта хвойными ветвями и мхом. Маленький родился медвежонок — с рукавицу, а весил всего полкилограмма.

Первое, что он запомнил, — это нечто мокрое, но тёплое, лизавшее его. Он пополз к нему навстречу. Грузный зверь, что лизал его, повернулся так, что малыш оказался прямо перед соском. Медвежонок прильнул к соску и, чмокая от нетерпения, начал сосать молоко.

Так медвежонок и жил: ел, спал, опять сосал, снова спал в материнском тепле.

Он был ещё совсем слепой: глаза открылись только через месяц после рождения. Когда новорождённому детёнышу становилось холодно и он начинал дрожать, мать накрывала малыша передними лапами и начинала жарко дышать на него, чтобы согреть.

Быстро прошли три месяца — приблизилась весна. Однажды проснувшись, медвежонок к удивлению своему обнаружил в берлоге ещё одного зверя, похожего на мать, но меньше её. Это была его старшая сестра. Минувшим летом медведица прогнала от себя всех подросших детёнышей, оставила при себе только одного. Вдвоём они и залегли в берлогу.

А зачем оставила?

А затем, чтобы было кому помогать ухаживать за медвежатами, которые зимой в берлоге рождаются. Старшего медвежонка называют пестуном. Потому что он ухаживает за новорождёнными, пестует их, словно хорошая нянька.

...Весна ещё ранняя — апрель. Снегу в лесу по ельникам, борам, буеракам ещё много. Сырой, крупяной, плотно лежит.

Как почуяла мать — медведица запахи весны, проломила крышу у своей спальной ямы, выбралась на свет. И после тьмы берлоги свет ударил ей в глаза необычайной яркостью. Чутким носом потянула медведица дух от сырой земли, от набухших почек, от талого снега, от сосен, щедро источавших смолу.

Пора... Пора покинуть зимовальное убежище. Пора по лесу ходить, корм собирать.

И вот она пошла, рухнув сразу в сугроб, что метель намела за зиму у выворота. За ней из берлоги сразу вылез пестун, а маленький медвежонок жалобно захныкал: не одолел препятствия. Тогда пестун вернулся в яму и зубами за шиворот вытащил его наружу.

Шуршит еловый бор иглами, ветер шумит в ветвях. Выбрались наши медведи из бора в чернолесье. Здесь снег совсем почти сошёл. Земля под солнцем парным теплом туманилась.

Не без дела шла мать — медведица, всюду хозяйничала: корягу выдернет, камни какие, плиты перевернёт. Большая сила у зверя. Ветровало дерево наземь уронил, медведица обошла его, понюхала под стволом, чем там земля пахнет. Вдруг в охапку сосну ухватила и сдвинула с места, как лёгкое брёвнышко. Сейчас же к той пролёжене сунулся носом пестун, когтями землю заскрёб: может, мелочь какая живая есть, чтобы съесть. Малышу — пример! Тот тоже стал рыть землю своими новенькими коготками.

Похудела за зиму медведица, голодная, всё жуёт и гложет, что зелено, что живое суется по весне. Медвежата от неё не отстают, во всём ей подражают. Прошлогодние кедровые орешки, жёлуди собирают.

Муравейник — находка особенно приятная. Весь разрыли, раскидали далеко вокруг. Медведица лапы полизала, медвежата, глядя на неё, — тоже. Потом в самую суетню муравьиную запихнули они свои лапы. Вмиг лапы почернели от муравьёв, которые толпами ринулись на них. Тут медведи муравьёв с лап слизали, съели и за новой порцией потянулись.

Много муравьёв съели, но сытыми не стали. Повела медведица детей на моховые болота: клюкву собирать.

Шли как обычно: впереди мать, за ней маленький медвежонок, позади пестун. Болота давно от снега освободились и атели красной ягодой — прошлогодней клюквой. Медведица и медвежата лапами загребали целые куртины и в рот отправляли, сочные ягоды глотали, а мох выбрасывали. Солнце уже высоко поднялось — отправились медведица с медвежатами отдыхать: в самую чащу — чапыгу забрались. До позднего вечера спали. Заря уже на западе догорала, когда повела мать своих детей на поле у края леса: там озимые хлеба зеленели. До утра ели эту зелень, паслись, как коровы на лугу.

Щуки на разливы метать икру пошли, и медведица туда же. Села у воды и на неё глядела. Медвежата тоже рядом прилегли и притихли. Долго ли ждали — никто часов не наблюдал; но высмотрела медведица недалеко от берега большую рыбину и вдруг как прыгнет на неё с шумным плеском всеми четырьмя лапами, словно лисица на мышь. Не вырвалась щука из медвежьих когтей. Добыча важная. Всею семьёй пировали.

Опять полдень приблизился, и снова пошли медведи спать. До утренней зари проспали.

Как — то шли медведица и её дети ранним утром, сытые и довольные, и набрали на разбитое бурей дерево, у которого ствол был расщеплён. Медведица около него остановилась. Подошла ближе к стволу, ухватила лапой за дранощепину, оттянула её вниз и отпустила. Ударил дранощепина по стволу — задрезжал, загудел ствол, вибрируя. Ещё раз отвела в сторону дранощепину и, отпустив её, ударила по стволу — гул пошёл по лесу. Это музыка для медведей. Любят её: головы то сюда, то туда набок склоняют, прислушиваются, как далеко громогласное эхо разносит по окрестным лесам произведённый ими грохот.

Любят медведи разные забавы. Например, камни, коряги с кручи сбрасывать. А сами смотрят с любопытством вниз, как они катятся и какой от этого шум получается.

В делах и забавах быстро лето прошло. Осень стужей угрожать стала. Пора медведям о зиме подумать. Главное — выбрать место для берлоги: глухое, труднопроходимое. Там, обычно под корнями поваленного дерева, роют медведи яму. Потом постель готовят — из мха, из надранной с деревьев коры. Иные яму накрывают хворостом, ветками, мхом. У такой берлоги, как говорят охотники, есть «небо». А дыру в таком «небе» — отдушину — называют «берложным челом».

У нашей медведицы место для зимовья давно уже было выбрано — старая берлога. Только подправила она её, подновила. Прежде чем лечь в берлогу, медведица долго путала свои следы, бродя по лесу — по бурелому, по моховым болотам, по воде. Как заяц, туда — сюда по своему следу пройдёт, затем вбок прыгнет. Медвежата понурые шли за ней, словно чувствовали час расставания. Давно ли ещё беззаботно играли братец с сестрицей, радуясь жизни. И вот пришла разлука: прогнала медведица от себя уже сильно повзрослевшего пестуна. Только с маленьким

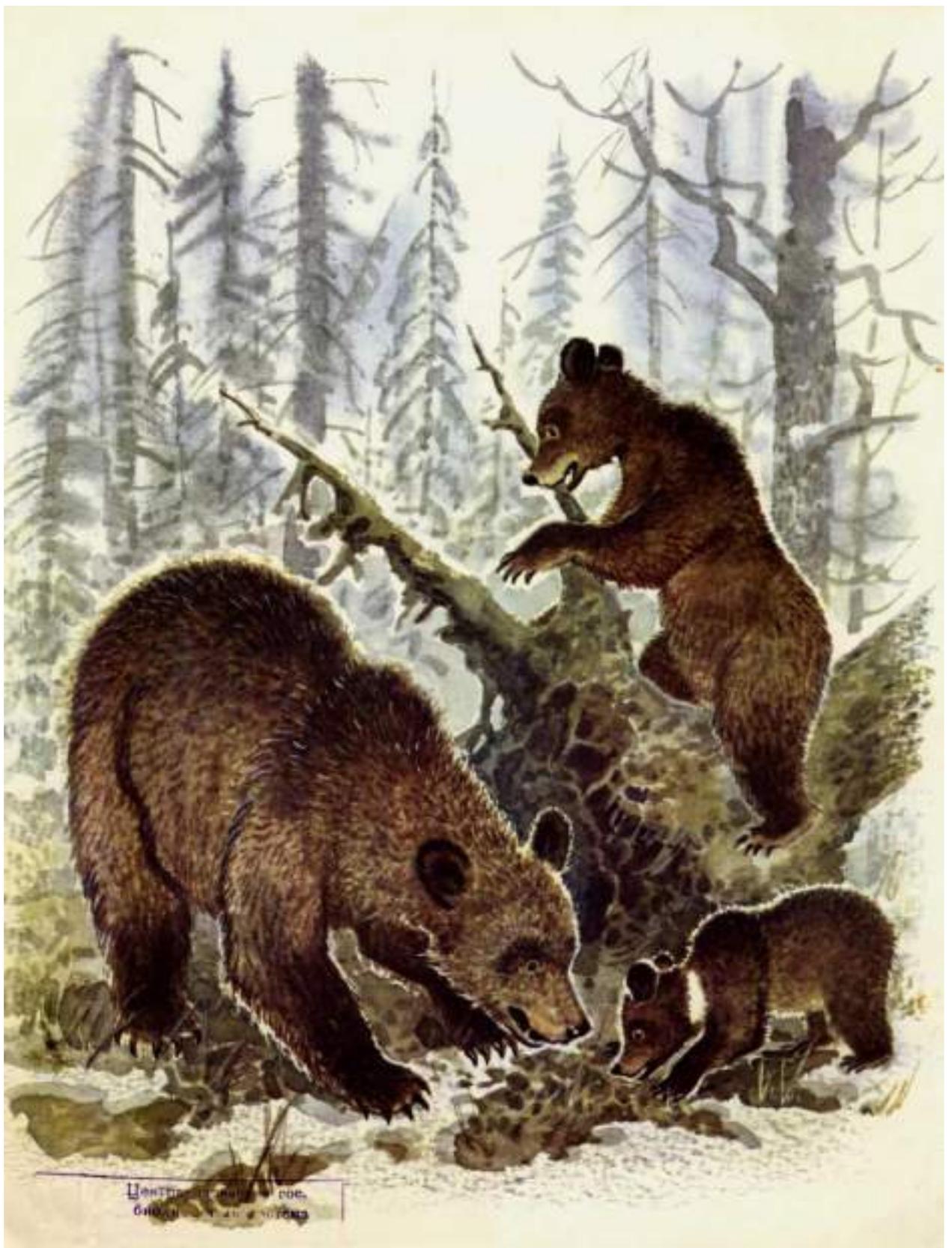
медвежонком легла зимовать. Значит, ему на следующее лето должно быть пестуном.

А пока уснули они вдвоём с матерью. Вскоре метели засыпали снегом берлогу, намели сугробы над ней.

Лишь одна дыра — «чело», слегка обледеневшее по краям, выдавало медвежье зимовье.







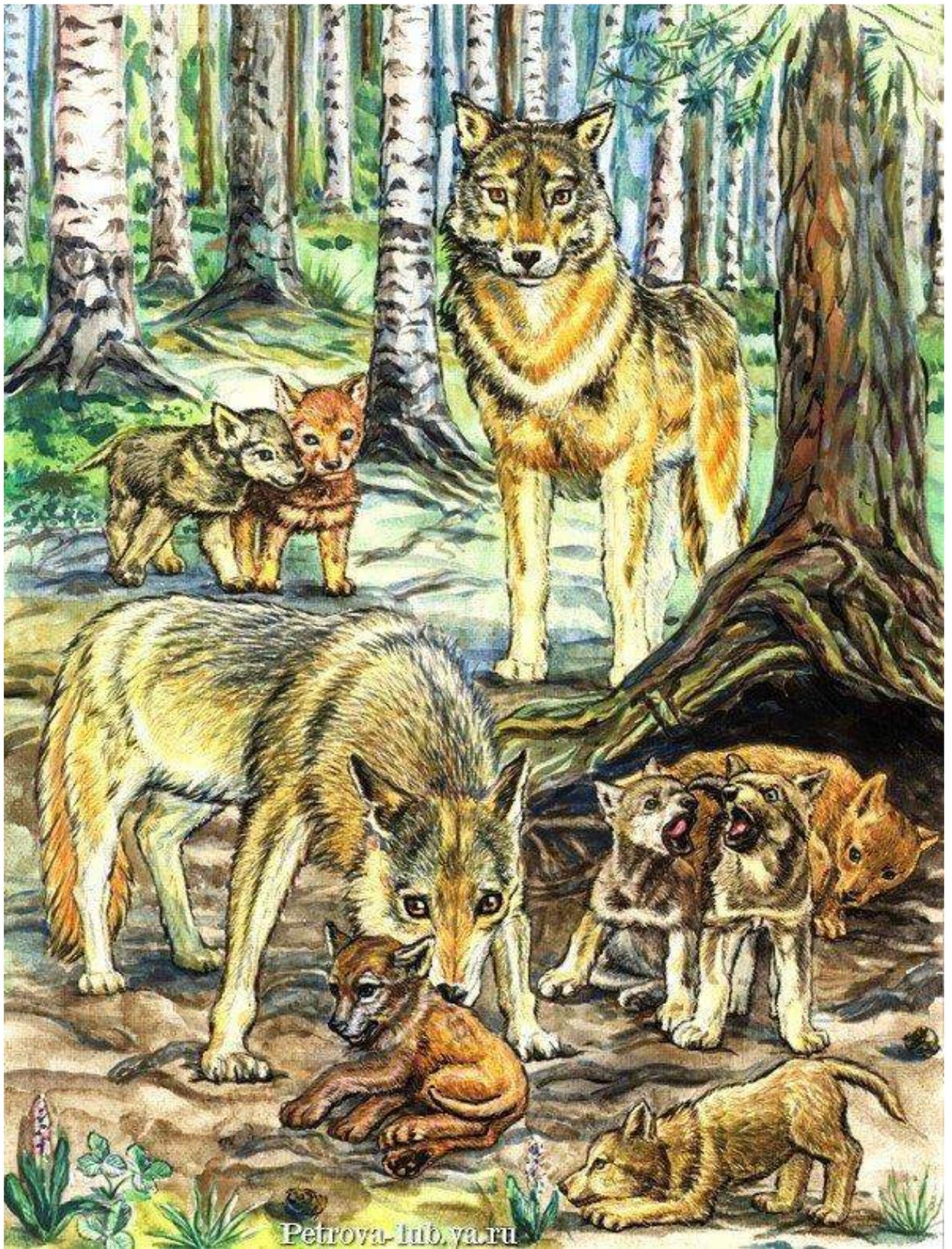
Центральный музей естествознания
Биологический институт Академии наук СССР











Petrova-lub.ya.ru

